

«МЕЖДУНАРОДНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННОГО МИРА ДВОРЯНСКИХ ДЕТЕЙ РОССИИ XVIII — НАЧАЛА XX В.

.....

И. Ю. Мартианова, С. С. Минц¹

В статье рассматривается опыт общения с людьми других национальностей и культур как одной из подсистем жизненного мира детей российских дворян второй половины XVIII — начала XX в., связанной с формированием их идентичности.

Ключевые слова: историческая психология, психология повседневной жизни, жизненный мир, идентичность, мемуары, российское дворянство, история повседневности, космополитизм, патриотизм, толерантность, русская культура.

This article is about contacts with people of other nationalities and other cultures as one of the subsystem of the life world of children of Russian Nobles, which formed their identity in the XVIII — early XX centuries.

Key words: historical psychology, psychology of the everyday life, Life World, Identity, memoirs, Russian Nobles, history of the everyday life, cosmopolitanism, patriotism, tolerance, Russian Culture.

Современные психологи [24] и философы [14; 28] уделяют много внимания понятию «жизненный мир». Для историков оно пока представляет чисто эмпирический интерес. Тем из них, кто интересуется исторической психологией, ещё предстоит очертить границы понятия «жизненный мир», определить его структуру, наполнить конкретным содержанием, осмыслить в исторической ретроспективе, определить его теоретический вес и эвристические возможности. Первые шаги в этом направлении уже сделаны (подробнее об этом см., например: [17; 18 и др.]). Данная статья — еще одно продвижение по направлению к означенной теме. В ней речь пойдёт об одной из подсистем жизненного мира детей российских дворян второй половины XVIII — начала XX в., связанной

¹ Мартианова Ирина Юрьевна – кандидат исторических наук, преподаватель Кубанского государственного университета физической культуры, туризма и спорта. Эл. почта: bim_75@mail.ru;
Минц Светлана Самуиловна – доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета. Эл. почта: smintz@kubsu.ru.

с формированием их идентичности, — о роли опыта общения с людьми других национальностей, соприкосновения с другими культурами.

Затронутый сюжет рассматривается на основе мемуаристики. В ней обобщается материал 20 произведений мемуарного характера, созданных 17 мужчинами и 3 женщинами. Женские мемуары принадлежат замечательно образованным дамам, две из которых внесли весомый вклад в развитие отечественной культуры. Княгиня Е. Р. Дашкова, урождённая Воронцова, была сподвижницей Екатерины II и первой женщиной в мире, которая возглавила академию наук. В 1783 г. она была назначена директором Петербургской Академии наук, стала создателем и руководителем Императорской Российской академии в Москве. Не менее известной в конце XIX — начале XX в. была другая мемуаристка — Е. Н. Водовозова, урождённая Цевловская. Она родилась в семье бедного смоленского дворянина, закончила Смольный институт и завоевала признание современников как талантливый педагог и писательница. Её перу принадлежит множество научных, научно-популярных и художественных произведений. Е. Н. Водовозова дважды была замужем, оба раза за известными историками — В. И. Водовозовым и В. И. Семевским. Н. Н. Мордвинова, в замужестве Львова (1794-1882 гг.), оставила воспоминания об отце — адмирале Н. С. Мордвинове. Мемуаристка послужила прототипом Волгиной в произведении Ф. Н. Глинки «Записки о магнетизме» [8, см. прим. В. М. Боковой].

Среди мемуаристов, чьи произведения вошли в источниковую базу данной статьи, известные писатели И. М. Долгоруков, Ф. В. Булгарин, С. Н. Глинка, А. И. Герцен, В. В. Набоков, учёный-правовед, историк и публицист Б. Н. Чичерин. В работе использованы воспоминания государственных деятелей — сенаторов К. И. Фишера и Ф. Ф. Вигеля. В исследование включены и мемуары, созданные менее известными людьми: служащего департамента герольдии майора М. В. Данилова и казачьего офицера, белоэмигранта М. И. Недбаевского. Особенно ценны для исследования были воспоминания людей, боровшихся за изменение политического облика России, — ссыльного поляка-чиновника, служившего по тюремному ведомству, Октавиана Бронислава Еленского, выпускника Пажеского корпуса, известного лидера анархизма, знаменитого революционера князя П. А. Кропоткина и общественного деятеля, помещика, отставного офицера Н. А. Крылова, отца будущего конструктора отечественных подводных лодок. Большое количество самой разнообразной информации, позволившей раскрыть различные стороны затронутой проблемы, дали воспоминания представителей родовой аристократии (барона Н. Е. Врангеля, князей В. П. Мещерского и Ф. Ф. Юсупова, Н. Л. Барклая-де-Толли Веймарна). Все мемуары объединяет не только то, что в них описывается детство, но и принадлежность их авторов к наиболее социально активной части российского дворянства — к так называемому образованному дворянству.

В сознании взрослых людей группа проблем, связанная с осмыслением опыта международных контактов и общения, концентрируется вокруг двух полярных понятий — патриотизма и космополитизма. В повседневной жизни, за исключением затяжных кризисных ситуаций, они нечасто присутствуют в своих крайних выражениях. Жизненный мир детей лишён определённости взглядов взрослых людей и их нагруженности ценностно-ориентационными смыслами. Всё, что связано с опытом международного общения, в глазах ребёнка довольно долго выглядело упрощённо. Аксиологическая составляющая была размытой и изменяемой. Чёткие представления об общении с детьми и взрослыми других национальностей некоторые мемуаристы приписывали себе чуть ли не с пяти лет. Материалы воспоминаний, имеющиеся в нашем распоряжении, показывают, однако, что в сознании детей они начинают приобретать достаточную определённость в 10-12 лет, но это скорее исключение, чем правило. Следует отметить, что историку сложно проводить чёткие возрастные границы изменений в психологии, поскольку авторы мемуаров нередко нагружают свои ранние (особенно детские) впечатления последующим жизненным опытом и массой интерпретаций, зависевших от пережитых и даже переживаемых ситуаций. Но в мемуарных текстах есть качество, которое историки определяют словом «аутентичность» — в них более, чем в других источниках, присутствуют подлинное многообразие и многомерность повседневной жизни, столь интересные учёным. Но только в том случае, если исследователи берут материалы мемуаров как вида источников, т. е. комплекса произведений, в котором содержатся взгляды нескольких поколений. Репрезентативный материал можно получить, работая с источниками, которые писали авторы, принадлежавшие к трём поколениям. В нашем случае данное условие соблюдается с запасом, поскольку сопоставляются данные за почти 200 лет.

В памяти Владимира Набокова (1899-1977 гг.) собственное начало жизни ассоциировалось с образом морского приюта. Содержание образа раскрывалось им в эпитете «международное» [22, с. 329]. «Международное», т. е. протекающее между различными народами, в контакте с достижениями их духовной и материальной культуры. Очень точный образ по отношению к жизненному миру дворянского детства. Даже попав в интернациональную среду, российские дворяне, воспитанные в европейском духе, сохраняли своё национальное своеобразие. Они не противопоставляли своё чужому, заимствовали, но не теряли своеобразие. Осваивалось это искусство общения с «международной» средой с детства.

«Международным» был не только мир дворянского детства, но и сам жизненный мир привилегированного сословия.

«Международность» была свойственна началу жизни дворян на протяжении всего имперского периода, начиная с XVIII в. Очередное поколение российской элиты выходило во взрослую жизнь только после того, как вполне ус-

ваивало уроки общения в разноплеменной среде. Отличительной чертой стиля взаимоотношений между людьми, практиковавшегося образованным дворянством, было понимание и душевное расположение к чужой культуре, к чужому мировосприятию, к чужой религии. Утверждая так, мы делаем определённое допущение. В дворянском сословии в целом было много людей, которые страдали ксенофобией или распространяли дружелюбие исключительно на людей, равных им по положению. Тем не менее такое допущение вполне возможно для образованной части сословия, поскольку мемуаристы XVIII — начала XX в. сравнительно редко описывали недружественные настроения по отношению к носителям другой культуры в повседневной жизни. Для нас доказательством стала единичность подобных воспоминаний на страницах записок, посвящённых детству мемуаристов или их современников.

Мемуары позволяют говорить не о «настроениях» отдельных аристократических родов [9, с. 83], а о характерной черте жизненного мира привилегированного сословия. Как отмечают исследователи, к межнациональным отношениям в дворянской среде не применим термин «толерантность» [9] (от лат. *tolerantia* — терпение), что означает «способность организма переносить неблагоприятное воздействие...», а также «терпимость, снисходительность к кому-либо, к чему-либо» [25, с. 610]. Дворяне не испытывали необходимости быть толерантными к проявлениям инонационального мира. В них с детства с помощью воспитания и образования культивировалось сознание родства и соседства с представителями сословной элиты иного народа.

В современной литературе есть тенденция изменить содержание понятие «толерантность» и связать его с необходимостью социального мира в нашей многонациональной стране. Однако такие отношения выстраиваются по вертикали — тот, кто терпит, возвышается над тем, кого или что он терпит. Иными словами, здесь просматривается противопоставление «лучший» — «худший». Данные представления об отношениях между равными неприменимы к дворянским семьям. Многие из них состояли из представителей разных национальностей. Для выходцев из таких семей термин «толерантность» просто не имел смысла. Светские культура и воспитание, условия жизни дворян того времени были практически вненациональны. В XVIII — начале XX в. их даже не разделял языковой барьер. Объединяющим понятием была и категория «честь». Именно она способствовала формированию понятия «мы», в которое включались все дворяне, «вне зависимости от их национальной принадлежности» [13, с. 22]. Трудно найти мемуариста в России второй половины XVIII — начала XX в., который бы не имел родственников-иностранцев или не общался бы ни с одним иностранцем в детстве.

«Прибойный шум» международной в жизненном мире дворянского детства складывался из множества разноплеменных голосов, раздававшихся то из европейской дали, то совсем рядом. Так, например, некоторые авторы

воспоминаний сами происходили из семей, где родители относились к разным национальностям или вероисповеданиям. Адмирал Н. С. Мордвинов (1754-1845 гг.) был женат на англичанке Г. А. Коблей. Генриетта Александровна рано осиротела и воспитывалась родственниками в Италии [20, с. 397]. В подобных семейных парах, детство мальчиков и девочек имело определённое своеобразие. Так, Н. Н. Мордвинова (1789–1882), дочь адмирала, вспоминала о том духовном влиянии, которое в семье имела её мать. Оно распространялось, например, на круг чтения всей семьи, причём не только на детей, но и на главу семьи. В основном Генриетта Александровна предпочитала английскую или русскую литературу, произведения же французских авторов отвергала как безнравственные [20, с. 441]. К Мордвиновым приезжали родственники Генриетты Александровны из-за границы. Среди них были не только англичане. Во время путешествий по Италии и Англии Мордвиновы останавливались у родственников. Такие контакты делали Европу в глазах детей в каком-то смысле родной стороной, где жили не чужие им люди [20, с. 421-422]. Европейские страны для маленьких детей хотя и были периферийной частью их жизненного мира, но, тем не менее, это одна из важнейших его составляющих.

Если супруги были разной национальности, то их семья своей «многоликостью» неизменно привлекала к себе внимание современников (а позже историков) [27, с. 194]. Члены этих семей поражали разнообразием характеров, своей культурной гибкостью. Крепость семейных уз в межнациональных супружеских союзах превосходила этнические связи. Дворянские семьи представляли наиболее характерный тип не только семейной, но и родовой сплочённости, несмотря на свой пёстрый национальный состав. Опыт существования в подобной среде приобретался с колыбели, которую то нянюшка качала, то строго опекала английская или немецкая бонна.

Николай Григорьевич Цевловский (ок. 1791-1848 гг.) воспитывался дома матерью. Отца своего он совершенно не помнил. Мать же его была «католичка и истая полька», поэтому весь уклад их повседневной жизни в поместье был польским. Мать внушала сыну с младенчества любовь ко всему польскому в быту, в литературе, учила иностранным языкам и «вполне достигла своей цели» [4, с. 44]. В своей семье Николай Григорьевич также культивировал польскую культуру и язык. Раз в год он обязательно посещал Варшаву, откуда привозил гостинцы, книги и журналы на родном для себя языке. Очень показательно замечание дочери: «Как только умер отец, все в доме стали говорить исключительно по-русски» [4, с. 88]. Умер человек — оборвалась живая связь с иной культурой. Других польскоговорящих родственников или знакомых у Цевловских не было. Позже в их семье охотно вели беседы на французском и немецком языках.

Если даже дворянская семья была русской, то дети с ранних лет изучали свою родословную, зачастую начинавшуюся с полумифического предка, неред-

ко иностранного происхождения. Дети таким образом узнавали о начале своего рода и его места в мире. Этот мир простирался далеко от тех мест, где они жили. Мемуаристы, прежде чем приступить к рассказу о своём детстве, часто начинали воспоминания с описания родословной. Для них генеалогические данные действительно были неотъемлемой частью их памяти о себе. Помимо мировоззренческих функций эти «родовые воспоминания», будучи частью личной памяти с детства, выполняли функцию связи между сознанием ребёнка и всемирной историей, они становились основой его восприятия истории, частью его исторического сознания, его исторической памяти.

М.В. Данилов (1722-1790 гг.) вёл свою родословную с 1093 г. от немца «из Цесарского государства» Индрика, крещённого в православии Леонтием, и его старшего сына Литвинуса, принявшего имя Константина [10, с. 284]. Предки Сергея Николаевича Глинки (1776-1847 гг.) были поляками [7, с. 2], а Борис Николаевич Чичерин (1828-1904 гг.) своим родоначальником называл итальянца Чичери, который прибыл в Москву в свите Софьи Палеолог [30, с. 92]. Такие сведения о начале своего рода дети получали не из специальной литературы или документов, а из обыденных семейных разговоров, преданий, рассказов. Лишь некоторые из дворян, став взрослыми людьми, серьёзно обращались к генеалогическим изысканиям.

В некоторых семьях, приближенных ко двору и входивших в высший свет, дети близко познакомились с иностранцами. Е.Р. Дашкова (1743-1810 гг.), вспоминала, что все иностранцы, которые посещали дом её дяди-канцлера, «должны были платить дань моей безжалостной любознательности» [11, с. 72]. Для девочки они были незаменимыми источниками информации. В середине XIX в. В.П. Мещерский (1839-1914 гг.), бывший в то время подростком, познакомился с новостями большой политики в гостиной своих родителей, которую часто посещал английский посланник лорд Непир. «Живые связи дружбы влекли его в нашу гостиную», — отмечал мемуарист [19, с. 15]. Знакомство детей с иностранцами и возникавшие «живые связи дружбы» оказывали влияние на их восприятие новостей. Сведения о мире, которые они слышали от иностранцев, отличались и количественно, и качественно, что позволяло критически относиться к узнаваемому из других источников.

С иностранцами, менее значительными по своему статусу, дети могли познакомиться и в провинции. Ф.Ф. Вигель (1786-1856 гг.) вспоминал, что он жил в детстве в качестве воспитанника у княгини В.В. Голицыной. В её украинском поместье «из разных стран собрались... образчики разных наций и состояний» [3, с. 48]. По вечерам они сходились вместе и «все были богаты воспоминаниями, и потому-то большая часть разговоров проходила в рассказах» [3, с. 48]. На маленького Филиппа Вигеля и, видимо, на других детей эти беседы оказывали серьёзное развивающее воздействие: «...я всё выслушивал, позволял себе вмешиваться в разговоры, делать вопросы и получал снисходитель-

ные и удовлетворительные ответы». Вспоминая об этих вечерах, Ф. Ф. Вигель писал: «...чрезвычайно расширился круг моих идей» [3, с. 48], т. е. мемуарист сам констатировал изменения в своём жизненном мире.

Многие дворянские семьи в качестве прислуги содержали людей самых разных национальностей. Порой число таких слуг было весьма велико. Князь Ф. Ф. Юсупов (1887-1967 гг.) вспоминал, что во времена его детства в их доме был заметный процент слуг-азиатов. В детстве он любил наблюдать их реакцию на украшение ёлки перед Рождеством: «Сиянье стеклянных шаров и серебряного дождя зачаровывало наших слуг-азиатов» [32, с. 61]. Восточное происхождение рода Юсуповых, о котором знал маленький Феликс, «азиатская» прислуга и «мавританская зала» в родовом особняке в Петербурге определили и характер некоторых развлечений ребёнка. В отсутствие родителей Феликс в этом зале «созывал всех слуг-мусульман и сам наряжался султаном» [32, с. 59]. Мальчик разыгрывал живые картины с восточной тематикой, участвовал в них как актёр и режиссёр. Ни отец, ни мать не подозревали об этой его забаве [32, с. 60]. Общение со слугами из различных восточных народов — неперемнная составляющая детства Ф. Ф. Юсупова. Впрочем, неотъемлемой частью его жизненного мира с детства было общение со всевозможными иностранцами и иностранцами самого разного уровня, как и у многих детей российских дворян, росших в придворном окружении.

Воспитанием и образованием подавляющего большинства детей дворян, по воспоминаниям мемуаристов, занимались иностранцы. Иногда это были люди добросовестные и честные, а иногда — проходимцы с сомнительной нравственностью и скудным запасом знаний. И. М. Долгорукий (1764-1823 гг.) писал, что до восьми лет его с двенадцатью сёстрами вместе с няней-крепостной опекала *madame Constantin*: «Она была женщина не молодая, очень хороших свойств, усердно привязана к нашему дому, а паче ко мне, и вместе с сестрою приучила меня лепетать по-своему с самого ребячества» [12, с. 189]. Повезло ему и с гувернёром. И. М. Долгоруков всю жизнь был признателен своему наставнику-французу: «Я никогда не постыжусь сказать, что из всех моих сторонних наставников никому я не должен такой благодарностью, как ему» [12, с. 314]. В общении со своими иностранными учителями и воспитателями дети имели возможность усвоить нормы и элементы чужой культуры. Таким образом элементы европейской культуры проникали в жизнь дворянских детей и формировали ткань таких подсистем жизненного мира, как повседневность, идентичность, мировоззрение.

Если иностранные учителя имели высокий уровень образования, то они знакомили своих воспитанников и с достижениями европейской науки, литературы и искусства. Примером может быть голландец профессор Тенкат, учивший детей Чичериных. В семье Набоковых очень часто менялись гувернёры и репетиторы, «причём, нанимая их, отец как будто следовал остроумному

плану выбирать каждый раз представителя другого сословия или племени» [22, с. 219]. Через семью англоманов Набоковых прошли, помимо русских, английских и французских воспитателей, украинец, латыш, поляк, еврей.

Смена наставников иногда была вызвана жизненными обстоятельствами, а иногда результатом «усилий» самих воспитанников. Феликс Юсупов в детстве абсолютно не желал учиться. Живость характера и неуёмная фантазия заставляли его изобретать способы избавления от наставников. Родители принимали новых, надеясь, что их сын сумеет ужиться с очередным педагогом и начнёт учиться. Впоследствии князь вспоминал: «После немца-пьяницы, засыпавшего каждый вечер с бутылкой шампанского, я успешно устранил невероятное количество воспитателей: русских, французов, англичан, швейцарцев, немцев, вплоть до аббата, бывшего впоследствии воспитателем детей румынской королевы. Много лет спустя королева сказала мне, что воспоминания обо мне были кошмаром для несчастного прелата, и ей хотелось узнать, действительно ли всё, что он рассказывал обо мне, было правдой. Я вынужден был заверить её, что он ничего не выдумал!» [33, с. 36]. В своём дурном отношении к разноплеменным гувернёрам маленький Феликс был в прямом смысле слова интернационалистом.

Каждый раз, выстраивая отношения с представителем того или иного народа, дети учились межнациональным контактам и умению находить общий язык с кем бы то ни было, даже в тех случаях, когда общение носило конфликтный характер. Маленькие дворяне учились вести себя в стандартных ситуациях привлечения внимания, обращения, знакомства, приветствия, прощания, извинения, комплимента, письменного сообщения, поздравления, благодарности, пожелания, утешения, сочувствия, соболезнования и т. п. Как известно, у разных народов во всех этих стандартных ситуациях действуют совершенно различные нормы поведения и правила общения [26, с. 13]. Для детей дворян это был бесценный опыт.

Усвоить тонкости международного общения на частном уровне помогали детские путешествия мемуаристов. Посещая европейские города и сельскую местность, они могли увидеть в реальности то, о чём читали в книгах. Расширение кругозора и общение с европейцами с ранних лет давало возможность сравнивать порядки и нравы своей страны с чужеземными. Соответственно, развивалось критическое отношение к действительности. Вспоминая дорожные впечатления от первой детской поездки в Швейцарию в 1863 г., Н. Е. Врангель (1847-1923 гг.) писал: «Я видел то, чего не видел на родине: благоустроенные города, чистые деревни, простые, красивые, весёлые домишки, окружённые цветниками, весёлых довольных людей, аккуратно одетых деревенских ребят, холёных лоснящихся коней, исправные повозки, и я понять не мог, почему тут всё так красиво и радостно, а у нас так серо, бедно, угрюмо» [5, с. 73]. Такие сравнения и сопоставления, данные в личном опы-

те, заставляли детей рано задумываться над сложными политическими и социальными вопросами. Не зря в 17 лет барон Николай Врангель чувствовал себя убеждённым социалистом.

Для многих дворянских детей, путешествовавших по Европе, эти поездки сопровождались обучением в местных школах. Так, пребывание за границей совмещалось с обучением для князя П. М. Дашкова (первая половина 1770-х гг.; в 14 лет получил степень магистра искусств после экзамена в Эдинбургском университете), барона Н. Е. Врангеля (1859-1864 гг., с 13 до 17 лет), А. Н. Крылова (1872-1874 гг., с 9 до 11 лет).

Именно в швейцарском пансионе Н. Е. Врангель впервые познакомился с революционными идеями, европейскими стереотипами, мифами о России и алкоголем. С двенадцати лет он жил бок о бок с арабом и англичанином и провёл с ними четыре года. Сразу после приезда в пансион Николая позвали за стол, где состоялся один из первых разговоров с его обитателями: «Вы белое или красное вино пьёте, Nicolas? — спросил пастор... — Мне дома вина не давали. — Да, да, я слышал, — сказал Давид. — У вас в России вина не пьют, а только водку. Но это очень вредно, а у нас пьют вино. Вам нужно будет привыкнуть к нему и водку бросить» [5, с. 75].

Мемуарист описал ещё один разговор со своим английским сверстником. Гарри (так звали соседа Николая) сказал, что его выберут в парламент после возвращения домой в Англию. Продолжение разговора вспоминалось мемуаристом следующим образом:

— А если не выберут?

— Глупости, — сказал Гарри. — Это стоит не более двух тысяч фунтов и, если иметь хорошего выборного агента, дело в шляпе. В жизни главное — знать, чего хочешь, и уметь хотеть, а мы, англичане, это умеем. А ты в парламент не собираешься?

— Я бы с удовольствием туда пошёл, да у нас нет парламента, — сказал я.

— Что ты? — сказал Гарри. — А что тебе пишет Фриц? [брат жены Н. Е. Врангеля, который прежде учился в этом пансионе. — *И. М., С. М.*]. Он офицерский патент себе уже купил?

— У нас патента на офицера не покупают, — сказал я.

Гарри с недоумением посмотрел на меня.

— Какой вы странный народ! Парламента нет, майоратов нет! Патентов не покупают... Почти круглый год зима... [5, с. 76-77].

В этом детском диалоге отразились культурные различия, с которыми барону Врангелю (и многим другим!) приходилось сталкиваться ещё в детстве. Впечатления бывали порой шокирующими. Детям необходимо было осознать и выбрать определённую оценочную позицию по отношению к получен-

ным знаниям. Приобретённая позиция становилась базой для дальнейшего накопления жизненного опыта и расширения границ своего жизненного мира. Возможно, благодаря таким ранним впечатлениям о «чужих» и «своих» Н.Е. Врангель первые годы на службе старался решать дела по закону и не отдавал предпочтений русским перед людьми других национальностей [5, с. 102]. Он служил чиновником по особым поручениям при калишском губернаторе князе Щербатове. Молодой человек не встретил сочувствия руководителя и чиновников своему толкованию законности. Его непредвзятость по отношению к местным полякам воспринималась начальством и сослуживцами как пропольские симпатии. Государственную службу молодому чиновнику вскоре пришлось оставить.

Детям многих обедневших дворян приглашение иностранного гувернёра или поездка за границу не были доступны. В их детство вкрадывался «шум международной», когда они поступали в учебное заведение. Помогали прикоснуться к чужой культуре преподаватели-иноземцы, изучение иностранных языков, общение со сверстниками — представителями других народов. Сенатор К.И. Фишер (1805-1868 гг.) описывал своё обучение в петербургской гимназии в конце второго десятилетия XIX в. Коллектив преподавателей в этом учебном заведении был разноплеменным. С теплотой К.И. Фишер вспоминал инспектора Фёдора Ивановича Миддендорфа, с юмором рассказывал о профессорах Гедике и Бутырском, о чудачествах профессоров Плисова и Грефе. Заканчивая воспоминания о своих забавных преподавателях, русских и немцах, мемуарист неожиданно подытожил: «я люблю их до сих пор и до сих пор им благодарен. Они объяснили мне главное: что я — невежда! Будучи хвалим за географию, когда семи лет от роду я, как попугай, лепетал города и реки, я вообразил себя географом и потому до 30 лет не знал географии; отличаемый в 5 классе за математику и историю, я почёл себя преучёным мужем (в 13 лет), в 7 классе я стал сомневаться в своей мудрости, а в 8-м убедился, что ничего не знаю, и это убеждение есть лучшее ручательство, что мои учителя были дельные и почтенные люди» [29, с. 23]. «Дельные и почтенные люди» — это то главное, что в преподавателях-инородцах ценили дворяне. «Почтенные люди» разных народов умели разъяснить своим ученикам всю глубину их невежества и тем самым увлечь подопечных на путь познания.

Усвоение нескольких иностранных языков помогало детям приобрести известную гибкость в общении. Многим из них была свойственна постоянная открытость и готовность к восприятию чего-то нового. Вместе с тем детям «нечувствительно» прививалось признание права представителей иной культуры воспринимать мир с других позиций [26, с. 14]. Открытость к восприятию Другого была отличительной чертой жизненного мира дворян по сравнению с иными жизненными мирами, которые одновременно формировались в сопредельном социокультурном окружении.

О какой-либо межнациональной розни в учебных заведениях между детьми не упоминал никто из мемуаристов. Случай с Ф. В. Булгариным (1789-1859 гг.) в Сухопутном шляхетском корпусе нельзя расценивать как её проявление. Он поступил в старшие классы первым из числа дворян вновь присоединённых провинций сразу после восстания Тадеуша Костюшко. Когда Фаддея на одиннадцатом году перевели из малолетнего отделения к старшим, кадеты прозвали его «Костюшкой». Как вспоминал писатель, его одноклассники дразнили именем, «не понимая значения этого прозвания» [2, с. 106]. Едва услышав кличку, Фаддей устроил драку. Мальчишки решили его проучить. Оставшись без присмотра, кадеты решили крестить «Костюшку» в «русскую веру», исповедуя принцип, «что русскому хорошо, то немцу смерть». Голого Фаддея поймали в бане, затащили на чердак и сбросили в кучу снега. Когда он выбрался из сугроба и вернулся в баню, мальчишки посоветовали ему выпариться. Фаддей, «опасаясь новых проказ», пригрозил первому, кто к нему приблизится, «проломить голову» шайкой. Зная его бойцовский характер, одноклассники оставили Булгарина в покое. Для Фаддея это приключение закончилось госпиталем и «нервической горячкой» [2, с. 106]. Доносить он не стал, а выйдя из госпиталя, «добровольно соскочил в снег». Такое поведение изменило его взаимоотношения с одноклассниками в лучшую сторону. Они «решили, — вспоминал мемуарист, — что я достоин быть принятым в их общество и перестали дразнить меня» [2, с. 107]. Данный эпизод из жизни Ф. Булгарина внешне обозначался через противостояние поляка и русских. Но не это было главным. В нем, конечно, присутствует пример усвоения норм другого детского сообщества, в которое ребёнок попал из привычного ему жизненного мира польской шляхты. Жизненные миры польского и русского дворянства имели множество идентичных подсистем, среди которых наиболее важными были две: принадлежность к привилегированному сословию и к европейской культуре. Именно это сходство русского и польского жизненных миров позволили ребёнку сориентироваться в конфликтной ситуации и удачно её разрешить. По сути же описанный конфликт между детьми — типичный пример преследования новичков. Оно было распространено в военно-учебных заведениях под названием «цук» (аналогия современной «дедовщины»). «Цук» присутствовал практически везде и поддерживался начальством от основания военных корпусов и училищ до самого их конца в 1917 г. Одни мемуаристы считали его злом и боролись против него, как П. А. Кропоткин (1842-1921 гг.) [15, с. 104-108] или М. И. Недбаевский (1870-1964 гг.) [23, лл. 72-73]. Другие, как, например, Н. Л. Барклай-де-Толли Веймарн (1893-1954 гг.), относились снисходительно [1, с. 127].

Об отсутствии преследований на национальной почве в учебных заведениях говорят даже те, кто был далёк от верноподданнических чувств и мог впоследствии в мемуарах сгустить краски, расписывая негативные стороны российского прошлого. Анонимный автор «Мыслей и воспоминаний поляка»,

родившийся в 1838 г., учился в Брестском кадетском корпусе. Он вспоминал: «Поляков в Брестском корпусе было более половины всего состава. Сначала мы держались в стороне от товарищей русских, но к концу моего пребывания в корпусе мы жили дружно и согласно. Между нами водворились мир и уважение к национальным и религиозным убеждениям» [21, с. 674]. В отличие от той политики недоверия и притеснения, которая проводилась в отношении поляков царским правительством в Западном крае, в казённых образовательных учреждениях поддерживался совершенно иной тон общения между детьми.

Часто дети так называемых инородцев оформлялись для учёбы в этих заведениях по прямому приказу императора. Н. А. Крылов (1830-1911 гг.), обучавшийся в Первом кадетском корпусе с 1841 г., вспоминал, что в их роте было 20 черкесов и среди них один из сыновей захваченного в плен имама Шамиля [16, с. 944]. Н. А. Крылову не хватило места в общей спальне, и его поселили в спальне с черкесами. Позднее туда подселили ещё несколько человек из числа вновь прибывших. Среди русских новичков в этой же спальне оказался и наследник черногорского престола Николай Негош [16, с. 946]. Никакой неприязни ни черкесы к новеньким, ни новенькие к черкесам не испытывали. Сын Шамиля к моменту поступления Крылова «научился говорить по-русски и усваивать кадетскую жизнь: лгать начальству, заступаться за товарищей и своих не выдавать. Словом, был он кадетом обстрелянным». Поэтому он взял Н. А. Крылова «под своё покровительство» и «очень быстро спроваживал тех озорников, которые намерены были приставать... к новичку» [16, с. 945].

В женских институтах среди девочек тоже отсутствовало нездоровое внимание к национальным и религиозным различиям. Вообще в этих вопросах дети зачастую вели себя лучше взрослых. Е. Н. Водовозова (1844-1923 гг.) описывала такой случай на Александровской половине Смольного института, где она училась. В их класс приняли польку Фанни Голембиовскую, девочку болезненную и нервную. Она была в трауре по недавно умершему отцу и ещё не оправилась от потрясения. Фанни свободно говорила по-русски, по-немецки и по-французски, хорошо училась, несмотря на то, что почти всё время проводила в лазарете. Однажды во время отпуска из лазарета Фанни сидела в классе в свободное от уроков время и писала письмо матери по-польски. Классная дама m-lle Тюфяева, женщина грубая, жестокая и малограмотная, заметив, что девочка что-то пишет и явно не задание к уроку, отобрала у ученицы письмо. Наставница стала кричать, как девочка смеет писать матери, которая лишь накануне навещала её, да ещё по-польски. Формально классная дама была права. Из института писать письма разрешалось лишь на трёх языках: русском, французском и немецком. Письма на любых других языках не отправлялись по назначению и возвращались воспитанницам. Девочки в классе подняли шум. Они были возмущены тем, что Фанни не дают писать на своём родном языке. Воспитанницы заставили классную даму сразу вер-

нуть письмо, не донося директрисе. У Фанни тем не менее произошёл нервный срыв, и её унесли в госпиталь. В класс она больше не вернулась. Спустя две недели мать увезла Голембиовскую из института в безнадежном состоянии. Девочки ей очень сочувствовали. Иной была реакция начальства. Директриса Смольного статс-дама М. П. Леонтьева сурово отчитала убитую горем мать девочки, прежде чем разрешила забрать Фанни домой. Через месяц девочки узнали, что их одноклассница умерла от скоротечной чахотки. Мемуаристку возмутил случай грубого обращения с воспитанницей и её матерью, а также его безнаказанность. О том, что начальство так и не сделало Тюфяевой даже выговора, автор воспоминаний помнила всю жизнь [4, с. 370].

В жизненном мире дворян с детства присутствовали не только люди, но и вещи иноземного происхождения, например, книги. В некоторых домах, как у И. А. Яковлева, отца Александра Ивановича Герцена, вообще не было литературы на русском языке [6, с. 47].

Одежда была, пожалуй, самой распространённой иноземной вещью в детском обиходе. Если платье и шили в России, то образцами служили чаще всего иностранные модные картинки или журналы. При изготовлении одежды нередко использовали материалы, купленные за границей. Мемуаристам из всего их гардероба в основном запоминались карнавальные костюмы. Часто детские балы проводились как маскарады. Наиболее популярными были костюмы всевозможных народов. Авторы маскарадных одеяний стремились к максимальному сходству с оригиналами. Годы спустя мемуаристы подробно описывали детали и цвета как своих костюмов, так и нарядов своих товарищей [15, с. 58; 30, с. 137-138]. Дворяне с детства получали представление о традиционной одежде разных народов, которая считалась ярким воплощением национального своеобразия.

Дома многих детей окружали произведения европейской живописи.

Были дворянские семьи, повседневный уклад которых строился на потреблении товаров какой-либо европейской страны, чаще всего Англии или Франции. В. В. Набоков, давая описание быта своей семьи времён его детства, вспоминал: «В обиходе таких семей, как наша, была давняя склонность ко всему английскому... Бесконечная череда удобных, добротных изделий, да всякие ладные вещи для разных игр, да снедь текли к нам из Английского магазина на Невском... Эдемский сад мне представлялся британской колонией» [22, с. 99].

Способность осуществлять и поддерживать международные контакты была показателем воспитанности и образованности дворянского отпрыска. Этот факт служит основой для радикальных выводов некоторых современных учёных. Так, А. В. Шипилов пишет: «Собственно шляхетское образование, сосредоточивавшееся на изучении немецкого или французского, и направлялось на то, чтобы сделать из русского — не-русского: не русского, а дворянина» [31,

с. 92]. Тем самым дворянство противопоставляется народу, что вряд ли можно считать справедливым. Для дворянского сословия, как уже говорилось, национальная чистота семьи была второстепенна. Так же безразлично относились дворяне и к приверженности семьи к той или иной культурной традиции — она выбиралась произвольно, в зависимости от вкусов и взглядов старшего поколения семьи и даже от стечения обстоятельств. Зато в сознание ребёнка обязательно закладывалась мысль о том, что он — представитель рода, прославленного в истории до его рождения и имеющего продолжение в нём. Его задача — умножить славу рода или хотя бы не посрамить её.

Непрерывно шумел «прибой международного детства». Он наполнял юные души то звуками иноплемённой речи, то выносил на российский берег снедь, игрушки, «да всякие ладные вещи» иноземного производства. В этом шуме маленькие дворяне в увлекательной беседе усадебного вечера могли различать роковые споры о «польском вопросе» и Кавказской войне или разноязычные голоса. Действительное значение этих реалий становилось заметным мемуаристам только со временем.

В самом начале XVIII в. «международность» была присуща меньшей части дворянства — той, что проживала в городах. Но ее преимущество продержалось недолго. «Международность» быстро проникала в провинцию, подгоняемая царскими указами. Уже во второй половине XVIII в. «международный шум» стал неотъемлемой и органичной частью быта дворянских детей, независимо от места их рождения и проживания. Тесный, непрерывный контакт с чужой культурой, ставший отличительной чертой жизненного мира дворянских детей на протяжении всего имперского периода, нисколько не мешал развиваться и другой составляющей их мировоззрения — патриотизму.

Понятие «международность» как отличительная черта дворянского жизненного мира Российской империи не может быть заменено понятием «космополитизм». В последнем становится невозможным национальное своеобразие, исчезает Отчизна. А с Петровского времени российское дворянство обязано было служить именно ей, а не сюзерену. Поэтому набоковский образ детства с его определением «международность», практически лишенным этнической или аксиологической маркировки, помогает описать многообразие переходных состояний формирования идентичности мемуаристов в жизненном мире их детства.

Библиографический список

1. *Барклай-де-Толли Веймарн Н. А.* Мой последний год в стенах родного корпуса // Хазин О. Пажи. Кадеты. Юнкера. М.: Социально-политическая мысль, 2002.
2. *Булгарин Ф. В.* Воспоминания. М.: Захаров, 2001.
3. *Вигель Ф. Ф.* Записки. М.: Захаров, 2000.
4. *Водовозова Е. Н.* На заре жизни: в 2 т. М.: Художественная литература, 1964. Т. 1.

5. *Врангель Н. Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков // Бароны Врангели. Воспоминания. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.
6. *Герцен А. И.* Былое и думы. 1852-1868 // Герцен А. И. Собрание сочинений. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 8. Ч. 1-3.
7. *Глинка С. Н.* Записки. СПб.: Русская старина, 1895.
8. *Записка Ф. Н.* Глинка о магнетизме // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 2001. Т. 11.
9. *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М.: Индрик, 1999.
10. *Данилов М. В.* Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722–1762) // Безвременье и временщики. Л.: Художественная литература, 1991.
11. *Дашкова Е. Р.* Записки // Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестёр М. и К. Вильмот из России. М.: Изд-во МГУ, 1987.
12. *Долгоруков И. М.* Записки князя Ивана Михайловича Долгорукова // Сочинения: в 2 т. СПб.: б.и., 1849.
13. *Каменев Е. В.* Категории мировоззрения русского офицерства эпохи наполеоновских войн: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Петрозаводск, 2007.
14. *Кожевников С. Б.* Жизненный мир: феноменология, экзистенция, семиозис. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003.
15. *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М.: Мысль, 1966.
16. *Крылов Н. А.* Кадеты 40-х годов // Исторический вестник. 1901. Т. 85, № 9.
17. *Мартианова И. Ю.* Жизненный мир девочки в польской дворянской семье XVIII в. // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: материалы III Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 1-3 ноября 2010 г., Череповец. М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 2.
18. *Мартианова И. Ю.* Жизненный мир и его структура в воспоминаниях Е. Н. Звержевич // Ежегодник историко-антропологических исследований 2010. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2010.
19. *Мещерский В. П.* Воспоминания. М.: Захаров, 2001.
20. *Мордвинова Н. Н.* Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о семействе его. Записки его дочери // Записки и воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX века. М.: Современник, 1990.
21. Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. 1906. Т. 127. (Автором воспоминаний был польский дворянин Октавий Бронислав Еленский герба Врембы.)
22. *Набоков В. В.* Другие берега: мемуары. М.: Захаров, 2004.
23. *Недбаевский М. И.* Воспоминания офицера Ейского полка Кубанского казачьего войска Максима Ивановича Недбая (Недбаевского) // ГАКК. Ф. Р-670. Оп. 1. Д. 67.
24. *Салихова Н. Р.* Понятийные оппозиции описания жизненного мира человека // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, кн. 5, ч. 1.
25. Современный словарь иностранных слов. СПб.: Дуэт, 1999.

26. *Солодянкина О. Ю.* Иностранцы гувернантки в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX века). М.: Academia, 2007.
27. *Разумова И. А.* Потаённое знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001.
28. Теория и жизненный мир человека. М.: ИФ РАН, 1995.
29. *Фишер К. И.* Записки сенатора. М.: Захаров, 2008.
30. *Чичерин Б. Н.* Воспоминания Б. Н. Чичерина // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XIX вв.). М.: ТРИТЭ, 1999. Вып. 9.
31. *Шипилов А. В.* Российская цивилизация. Сословное как антинациональное: общество и культура России первой половины XVIII в. // Общественные науки и современность. 2005. № 2.
32. *Юсупов Ф. Ф.* Князь Феликс Юсупов: мемуары; в 2 кн. М.: Захаров, 2008.
33. *Юсупов Ф.* Перед изгнанием. 1887–1919. М.: Московский центр искусств, 1993.